

OLGAVVELES

РАМОНЬ
ГОЛОСА ЗЕМЛИ

18+

Olga V. Veles

Рамонь:голоса земли

«Автор»

2026

Veles O.

Рамонь:голоса земли / O. Veles — «Автор», 2026

«Что, если легенда — это инструкция? Три книги о Рамони, где каждый, кто хочет всё исправить, лишь приоткрывает дверь. Реставратор. Архитектор. Студент. Три героя. Три попытки понять. Один финал, после которого ты дважды подумаешь, прежде чем трогать старые камни. Фолк-хоррор, где ужас живёт в деталях: тёплый кирпич, знаки на стенах, мелодия, которую нельзя забыть. Читай трилогию Венец. Граница. Печать — и не говори, что тебя не предупреждали».

© Veles O., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Olga V. Veles

Рамонь:голоса земли

Глава 1

ВЕНЕЦ

Роман

ПРОЛОГ

Рамонь, 1898 год

Копатели нашли его на третий день, когда рыли траншею под фундамент флигеля.

Земля здесь была рыжая, глинистая — не чёрная, как по берегу Воронежа, а именно рыжая, будто ржавчина. Копать её было тяжело: лопата вязла, грунт налипал на железо и не хотел отскребаться. Мужики ворчали, но работали — княгиня платила щедро, а перечить ей никто не решался.

Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, невестка императора, затеяла в Рамони нечто невиданное: электрическую станцию, кирпичный завод, училище, а теперь — вот, дворец. Красный, с зубчатыми стенами и башнями, словно из сказки братьев Гримм. Местные смотрели на стройку с опаской. Чужое всё это было — и камень, и стиль, и сама княгиня с её французскими манерами и трубкой в зубах.

Анисим, старший из копателей, первым увидел кости. Белые, мелкие — не взрослые. Он остановился, вытер лоб рукавом и присел на корточки. Потом ещё раз копнул — осторожно. Под костями лежало что-то круглое, как тарелка, но не камень. Глина облепила предмет, и Анисим ногтем счищал её, пока не проступил узор: концентрические круги, и в центре — выпуклость, похожая на глаз.

— Откуда это? — спросил Прохор, подошедший с ведром воды.

— Из земли, — ответил Анисим. — Откуда ж ещё.

Он не сказал Прохору, что кости были уложены не как попало. Они лежали кругом. Череп — в центре. А вокруг — рёбра, как спицы в колесе. И между ними — этот диск.

Анисим молчал ещё и потому, что знал: в Рамони, по рассказам деда, были курганы. Старые, домонгольские. Их распахивали, растаскивали на кирпич, строили поверх них дома. Но дед говорил и другое: что в этих курганах хоронили не просто людей. Что некоторые из них были не мертвы, когда их закапывали.

Копатели вызвали приказчика. Приказчик посмотрел, побледнел и велел засыпать траншею. Флигель перенесли на двадцать саженей южнее. Диск Анисим завернул в тряпку и отнёс домой, в сенцы. Не потому что хотел сохранить — потому что не знал, куда деть, и боялся, что выбросишь — а оно вернётся.

В тот же вечер, когда солнце село за Ворону и тень от леса легла на стройку, Анисим увидел у себя на двери венок. Нецветущий. Сплетённый из сухих дубовых листьев и тёмных прутьев. Он висел на гвозде, вбитом в притолоку, — на том самом гвозде, на котором Анисим держал ключ от амбара.

Ключа не было.

Анисим простоял перед дверью долго. Потом снял венок, бросил в огород и пошёл спать. Утром венок висел снова — на том же гвозде. Ключ так и не нашёлся.

Через девять дней Анисим исчез. Ушёл за водой к колодцу и не вернулся. Жена нашла ведро у сруба, а следы обрывались в трёх шагах от него — будто Анисим шагнул и провалился сквозь землю. Илицо его больше никто не видел.

Это было в сентябре. Осень в тот год выдалась ранняя, и дубы в парке сбросили лишь раньше срока. Когда последний лист упал, сторож усадьбы нашёл на северной стене дворца надпись. Не краской, не углём — выцарапанную в кирпиче, будто кто-то вдавливал пальцы в ещё не застывший раствор. Две буквы. Одна — похожая на круг с точкой. Другая — ни на что не похожая. Сторож затёр надпись раствором. Через год она проступила снова.

* * *

ГЛАВА 1

Гостья

Марина Долгова приехала в Рамонь в четверг, двадцать четвёртого сентября. Точнее — её привезли: последнюю сотню километров от Воронежа она продремала в маршрутке, и проснулась, когда водитель крикнул: «Рамонь, конечная!»

Она вышла, поставила сумку на пыльную остановочную площадку и огляделась. Посёлок выглядел так, как она себе и представляла: невысокие дома, тополя вдоль дороги, где-то за деревьями — просвет, в котором угадывалась река. Тихо. Пахло хлебом — видимо, где-то рядом пекарня — и ещё чем-то сладковатым, что Марина не сразу узнала. Гречиха. Цветущая гречиха пахнет мёдом, даже когда мёда ещё нет.

Командировка была на две недели. Марина — реставратор, специализация — архитектурная керамика и кирпичная кладка — получила заказ от областного управления по охране памятников: обследовать вспомогательные постройки усадьбы Ольденбургских, составить дефектную ведомость и предварительный проект реставрации. Дворец-то стоял, пусть и потрёпанный, а вот флигели, оранжереи, конюшня — всё, что вокруг, — crumbling, как любят писать в отчётах её коллеги. Разваливается.

Марине было тридцать четыре. Она была высокой, с тёмными волосами, которые постоянно выбивались из хвоста, и руками, покрытыми мелкими царапинами — профессиональная примета: кирпич и раствор не щадят кожу. Она носила очки для близких расстояний, но надевала их только когда читала или работала с документами. Остальное время шурилась. Коллеги считали это привычкой. На самом деле Марина просто не любила видеть мир слишком чётко. В расфокусе всё выглядело мягче, безопаснее.

Жить ей предстояло в гостевом доме, который управлением по охране памятников арендовал у местной жительницы — бабы Нины, как её здесь называли. Дом стоял на улице Тимирязева, в пяти минутах ходьбы от усадьбы. Баба Нина встретила Марину на крыльце — маленькая, высушенная, с глазами, которые смотрели не моргая.

— Ты, стало быть, из Москвы? — спросила она вместо приветствия.

— Из Москвы, — подтвердила Марина.

— Далеко.

— Не очень.

Баба Нина посторонилась, пропуская в дом. В сенцах было прохладно и пахло сухими травами. На стенах висели пучки чего-то серо-зелёного — Марина не разобрала что. В углу, на вешалке, висел старый платок, а под ним — гвоздь. Пустой.

— Комната тебе вон та, — баба Нина показала на дверь направо. — Кухня — общая. Воду грей кипятивником. Утром я ухожу на огород, вернусь к обеду. Ты не шуми.

— Я не буду, — сказала Марина и поставила сумку у двери.

Баба Нина ещё раз посмотрела на неё — долго, прищурив глаза, будто пыталась разглядеть что-то за лицом гостыи. Потом кивнула и ушла в свою комнату.

Марина открыла дверь в комнату. Маленькая, с односкатной крышей — окна низко, потолок скошен. Кровать, тумба, стул. На тумбе — лампа с абажуром из жёлтой ткани. На стене — календарь за прошлый год, с фотографией всё того же дворца Ольденбургских. Красный, зубчатый, с башнями. Марина выглянула в окно. За огородом, через дорогу, начинался парк.

Старые дубы стояли так плотно, что между ними не было просвета. Уже сейчас, в полдень, под ними лежала тень — плотная, будто там было другое время суток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.